

Отзыв на автореферат диссертации
ШИЛИХИНОЙ Ксении Михайловны

**Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и
прагматический аспекты**

на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Этапом и символом «когнитивного поворота» в лингвистике стала реинтерпретация метафоры как эвристичного познавательного механизма, а не только как тропа - выразительного средства, неотъемлемой особенности экспрессивной и воздействующей речи в любых областях словесного творчества и в повседневном общении. Как знак нового поворота - одновременно «когнитивного» и «дискурсивного» - можно рассматривать реинтерпретацию иронии в докторской диссертации К.М. Шилихиной.

В этом исследовании ирония предстала не только в качестве особого тропа (который можно считать одним из базовых, наряду с метафорой и метонимией), особого механизма аксиологического «переключения», обладающего особой актуальностью в таких ценностно заряженных и поляризованных типах дискурса, как журналистика и реклама, и активизировавшегося в научном/ академическом дискурсе. Диссертант показал, что ирония – это не просто «фигура мысли», изучаемая в стилистике и в риторике (см. публикацию К.М. Шилихиной в материалах конференции «Стилистика сегодня и завтра», М, ф-т журналистики, 2014), что она не «привязана» к языковым уровням, а представляет собой текстообразующий феномен, который выявляется на уровнях как отдельного текста, так и макротекста (в произведениях таких направлений искусства, как романтизм и постмодернизм, в коммуникации массовой, групповой и межперсональной, включая ее современные «сетевые» варианты), реализуется в разнообразных стратегиях и тактиках и воплощается в разных жанрах, в вербальной и в

иносемиотической форме и на всех носителях и каналах, включая интернет. И действительно, в российских СМИ познавательная мощь и выразительная сила иронии проявляется в широчайшем спектре от политического сарказма до журналистского «стеба» и становится приметой фирменного стиля изданий «качественной части» медиаспектра.

Таким образом, **научное достижение** К.М. Шилихиной состоит, во-первых, в том, что она выявила истинный масштаб феномена иронии, рассмотрев ее в когнитивном, семантическом и прагматическом аспектах, а также в текстовом функционировании, **выдвинув гипотезу** о том, что это особая дискурсивная практика, «семантически и прагматически сложный режим коммуникации, в котором речевые действия говорящего являются сигналом целого комплекса дополнительных смыслов» (стр. 3) и **доказав ее** на основании большого объема материала из разноплановых источников.

А во-вторых, в том, что исследовательница вписала иронию в еще более масштабный контекст, рассматривая ее (наряду с юмором и нек. др.) как один из системообразующих режимов коммуникативного модуса *bona fide* (несерьезного, недостоверного), который противопоставлен другому - *bona fide* (серьезному, достоверному) (там же и стр. 6). Идея оппозиции этих модусов принадлежит В. Раскину и подробно развита диссертантом: эта проблематика раскрывается в первой и в четвертой главах диссертации.

Новаторское описание феномена иронии в коммуникативных категориях предельно высокого уровня говорит о масштабности теоретических обобщений, сформулированных в данной диссертации. В выдвижении и защите К.М. Шилихиной этих двух идей видятся **заслуги концептуального характера**.

Что касается **научной новизны и актуальности** данного диссертационного исследования **в методологическом плане**, то здесь знаменателен уже факт применения корпусной лингвистики к изучению иронии как сложной дискурсивной практики, как непрямой коммуникации,

имеющей немного явных уровневых показателей; этому специально посвящена третья глава диссертации. Аналитические алгоритмы, использованные и предложенная автором (прежде всего это комплексная метаразметка и дискурсивная аннотация), воплощаются в классификации приемов иронии (вербальной, риторической и когнитивной), в таблицах и схемах (см. стр. 17, 18, 20, 21, 23, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 37). Своей информационной емкостью и наглядностью эти инструменты анализа свидетельствуют о том, что диссертант не только владеет новаторскими методами корпусной лингвистики, но и успешно их развивает.

Еще одна **новация одновременно концептуального и методического характера** заключается в обращении К.М. Шилихиной к такому понятию, как метапрагматическая/ метаязыковая рефлексия, и к стоящим за ним концепциям и методикам; она обсуждается в пятой главе. Ирония рефлексивна – это сущность данной дискурсивной языковой практики, демонстрируемая, как убедительно показала К.М. Шилихина, всеми ее участниками: адресантом, адресатом и наблюдателем в непосредственном общении, а также персонажами и повествователем в нарративе. В то же время современное русское языковое сознание, как представляется, недостаточно аналитично и рефлексивно – это показывают многолетние исследования сибирской научной школы под руководством проф. Н.Д. Голева, с которой К.М. Шилихина плодотворно сотрудничает и внесла свой вклад публикациями о рефлексивных аспектах иронии (в том числе в соавторстве со своим научным консультантом, безвременно скончавшимся проф. В.Б. Кашкиным) в многотомной коллективной монографии «Обыденное метаязыковое сознание».

Трудность общения в таком сложном режиме, какова ирония, неумение ее понимать должным образом приводят к коммуникативным неудачам в разных сферах коммуникации. Конфликтogenность иронии - еще одно ее свойство, проанализированное в диссертации и отраженное в АДД: «ирония

тесно связана с нашим эмоциональным опытом, причем гораздо чаще ирония ассоциируется с негативными ощущениями» (стр. 38).

Практическая ценность данной диссертации, как это явствует из АДД, заключается в том, что результаты этой работы обеспечивают лингвистам большой массив квалифицированно препарированного материала и широкий спектр продуктивных методик, которые можно использовать в разных прикладных направлениях. Автор говорит об их применении, во-первых, в преподавании, в корпусных исследованиях (стр. 9), а также в моделировании человеко-машинного диалога (стр. 4).

На мой взгляд, следует отметить полезность интерпретативных методик в стимуляции креативных способностей учащихся и сделать вывод о продуктивности использования результатов исследования К.М. Шилихиной в творческих вузах, на факультетах и кафедрах филологии, переводоведения, журналистики, рекламы, медиадизайна.

И, наконец, хочется подчеркнуть, что данное исследование весьма значимо для теории и практики судебной лингвистической /семантической экспертизы. Автором предложены изящные приемы толкования иронии как способа непрямой коммуникации, затруднительной для понимания «наивными» носителями языка. Особенно продуктивной кажется идея диагностики интенций (стр. 46). Ее приемами могут воспользоваться лингвисты-эксперты, чья задача - обеспечить адекватную интерпретацию речевого поведения/ поступка и/ или текста, воспринятого как деликт читателями/ зрителями – его персонажами, представителями аудитории или надзорных органов, и донести ее до правоведов, которые на этой основе делают выводы в юридических терминах и выносят судебное решение.

Масштабный замысел, новаторская методология и обширный материал обусловили **большой объем диссертации и структуру** с семью главами, введением и заключением и списком литературы. Результаты исследований К.М. Шилихиной в данной области науки воплощены в

монографии и во впечатляющем количестве публикаций (44), из которых 17 опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК.

Вопросы к автору, возникающие при чтении автореферата, не касаются существа защищаемой концепции, носят частный характер. Напр., моделируя понимание иронического дискурса (чему посвящена седьмая глава), автор отказывается от идеи композициональности и предлагает комбинаторную модель, в которой, как написано в заключительной части АДД, «одинаково важными оказываются языковой компонент, непосредственный контекст общения, а также знания о мире, имеющиеся у участников коммуникации» (с. 46). Однако модель понимания, описанная таким способом, обнаруживает универсальный, на наш взгляд, характер, применимый для интерпретации любого текста с любой – как прямой, так и косвенной, в т.ч. иронической – иллокуцией.

Иные замечания обусловлены компрессированностью АДД как жанра, не позволяющего автору приводить развернутые обоснования и примеры к своим суждениям. Напр., мне осталось непонятным, сопоставляет ли автор такие фундаментальные парные оппозиции модусов коммуникации: 1) *bona* и *non bona fide* и 2) художественного / фикционального и нехудожественного / документального: ведь в последнем случае ирония должна, видимо, рассматриваться под каким-то другим углом, нежели в первом....

Однако мелкие замечания не затемяют того факта, что реферируемая докторская диссертация, судя по ее автореферату, полностью соответствует требованиям, предъявляемым к квалификационному исследованию на соискание ученой степени доктора филологических наук и изложенным в пункте 7 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней».

Поэтому К.М. Шилихина, автор данной диссертации, безусловно, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики МГУ им. Ломоносова,
член медиалингвистической секции
Международного комитета славистов,
действительный член ГЛЭДИС (Гильдии лингвистов-экспертов по
документационным и информационным спорам)

Е.С. Кара-Мурза

30 сентября 2014 г.

Москва, Моховая улица, д. 9. Раб. тел. 8-495-629-45-80

Kara-murza-elena@yandex.ru

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
ЗАВ. КАНЦЕЛЯРИЕЙ
ЛАСКЕВИЧ И. В.